

Маска

В Хом общественном клубе с благотворительной целью давали бал-маскарад, или, как его называли местные барышни, бал-парей¹.

Было 12 часов ночи. Не танцующие интеллигенты без масок их было пять душ сидели в читальне за большим столом и, уткнув носы и бороды в газеты, читали, дремали и, по выражению местного корреспондента столичных газет, очень либерального господина, мыслили.

Из общей залы доносились звуки кадрили Вьюшки. Мимо двери, сильно стуча ногами и звеня посудой, то и дело пробегали лакеи. В самой же читальне царила глубокая тишина.

Здесь, кажется, удобнее будет! вдруг послышался низкий, придушенный голос, который, как казалось, выходил из печки. Валяйте сюда! Сюда, ребята! Дверь отворилась, и в читальню вошел широкий, приземистый мужчина, одетый в кучерской костюм и шляпу с павлиньими перьями, в маске. За ним следом вошли две дамы в масках и лакей с подносом. На подносе была пузатая бутыл с ликером, бутылки три красного и несколько стаканов.

Сюда! Здесь и прохладнее будет, сказал мужчина. Становь поднос на стол... Садитесь, мамзели! Же ву при а ля тримонтран! А вы, господа, подвиньтесь... нечего тут!

Мужчина покачнулся и смахнул рукой со стола несколько журналов.

Становь сюда! А вы, господа читатели, подвиньтесь; некогда тут с газетами да с политикой... Бросайте!

Я просил бы вас потише, сказал один из интеллигентов, поглядев на маску через очки. Здесь читальня, а не буфет... Здесь не место пить.

Почему не место? Нешто стол качается или потолок обвалиться может?

Чудно! Но... некогда разговаривать! Бросайте газеты... Почитали малость и будет с вас; и так уж умны очень, да и глаза попортишь, а главное всего я не желаю и всё тут.

Лакей поставил поднос на стол и, перекинув салфетку через локоть, стал у двери. Дамы тотчас же принялись за красное.

И как это есть такие умные люди, что для них газеты лучше этих напитков, начал мужчина с павлиньими перьями, наливая себе ликеру. А по моему мнению, вы, господа почтенные, любите газеты оттого, что вам выпить не на что. Так ли я говорю? Ха-ха!.. Читают! Ну, а о чем там написано? Господин в очках! Про какие факты вы читаете? Ха-ха! Ну, да брось! Будет тебе кочевряжиться! Выпей лучше!

Мужчина с павлиньими перьями приподнялся и вырвал газету из рук у

господина в очках. Тот побледнел, потом покраснел и с удивлением поглядел на прочих интеллигентов, те на него.

Вы забываетесь, милостивый государь! вспыхнул он. Вы обращаете читальню в кабак, вы позволяете себе бесчинствовать, вырывать из рук газеты! Я не позволю! Вы не знаете, с кем имеете дело, милостивый государь! Я директор банка Жестяков!..

А плевать мне, что ты Жестяков! А газете твоей вот такая честь...

Мужчина поднял газету и изорвал ее в клочки.

Господа, что же это такое? пробормотал Жестяков, обомлев. Это странно, это... это даже сверхъестественно...

Они рассердившись, засмеялся мужчина. Фу-ты, ну-ты, испугался! Даже поджилки трясутся. Вот что, господа почтенные! Шутки в сторону, разговаривать с вами мне не охотно... Потому, как я желаю остаться тут с мамзелями один и желаю себе тут удовольствие доставить, то прошу не претикословить и выйти... Пожалуйте-с! Господин Белебухин, выходи к свиньям собачьим! Что рыло наморщил? Говорю, выходи, стало быть, и выходи! Живо у меня, а то, гляди, не ровен час, как бы в шею не влетело! То есть как же это? спросил казначей сиротского суда Белебухин, краснея и пожимая плечами. Я даже не понимаю... Какой-то нахал врывается сюда и... вдруг этикие вещи!

Какое это такое слово нахал? крикнул мужчина с павлиньими перьями, рассердившись, и стукнул кулаком по столу, так что на подносе запрыгали стаканы. Кому ты говоришь? Ты думаешь, как я в маске, так ты можешь мне разные слова говорить? Перец ты этакий! Выходи, коли говорю! Директор банка, проваливай подобру-поздорову! Все уходите, чтоб ни одной шельмы тут не оставалось! Айда, к свиньям собачьим!

А вот мы сейчас увидим! сказал Жестяков, у которого даже очки вспотели от волнения. Я покажу вам! Эй, позови-ка сюда дежурного старшину!

Через минуту вошел маленький рыженький старшина с голубой ленточкой на лацкане, запыхавшийся от танцев.

Прошу вас выйти! начал он. Здесь не место пить! Пожалуйте в буфет!

Ты откуда это выскочил? спросил мужчина в маске. Нешто я тебя звал?

Прошу не тыкать, а извольте выйти!

Вот что, милый человек: даю тебе минуту сроку... Потому, как старшина и главное лицо, то вот выведи этих артистов под ручки. Мамзелям моим не ндравится, ежели здесь есть кто посторонний... Они стесняются, а я за свои деньги желаю, чтобы они были в натуральном виде.

Очевидно, этот самодур не понимает, что он не в хлеву! крикнул Жестяков. Позвать сюда Евстрата Спиридоныча!

Евстрат Спиридоныч! понеслось по клубу. Где Евстрат Спиридоныч?

Евстрат Спиридоныч, старик в полицейском мундире, не замедлил явиться. Прошу вас выйти отсюда! прохрипел он, выпучивая свои страшные глаза и шевеля нафабранными усами.

А ведь испугал! проговорил мужчина и захохотал от удовольствия. Ей-ей, испугал! Бывают же такие страсти, побей меня бог! Усы, как у кота, глаза вытаращил... Хе-хе-хе!

Прошу не рассуждать! крикнул изо всей силы Евстрат Спиридоныч и задрожал. Выйди вон! Я прикажу тебя вывести!

В читальне поднялся невообразимый шум. Евстрат Спиридоныч, красный как рак, кричал, стуча ногами. Жестяков кричал. Белебухин кричал. Кричали все интеллигенты, но голоса всех их покрывал низкий, густой, придушенный бас мужчины в маске. Танцы, благодаря всеобщей сумятице, прекратились, и публика повалила из залы к читальне.

Евстрат Спиридоныч для внушительности позвал всех полицейских, бывших в клубе, и сел писать протокол.

Пиши, пиши, говорила маска, тыча пальцем ему под перо. Теперь что же со мной, с бедным, будет? Бедная моя головушка! За что же губите вы меня, сиротинушку? Ха-ха! Ну что ж? Готов протокол? Все расписавшись? Ну, теперь глядите!.. Раз... два... три!!..

Мужчина поднялся, вытянулся во весь рост и сорвал с себя маску. Открыв свое пьяное лицо и поглядев на всех, любуясь произведенным эффектом, он упал в кресло и радостно захохотал. А впечатление, действительно, произвел он необыкновенное. Все интеллигенты растерянно переглянулись и побледнели, некоторые почесали затылки. Евстрат Спиридоныч крикнул, как человек, сделавший нечаянно большую глупость.

В буяне все узнали местного миллионера, фабриканта, потомственного почетного гражданина Пятигорова, известного своими скандалами, благотворительностью и, как не раз говорилось в местном вестнике, любовью к просвещению.

Что ж, уйдете или нет? спросил Пятигоров после минутного молчания.

Интеллигенты молча, не говоря ни слова, вышли на цыпочках из читальни, и Пятигоров запер за ними двери.

Ты же ведь знал, что это Пятигоров! хрипел через минуту Евстрат Спиридоныч вполголоса, трясая за плечо лакея, вносившего в читальню вино. Отчего ты молчал?

Не велели сказывать-с!

Не велели сказывать... Как засажу я тебя, анафему, на месяц, так тогда будешь знать не велели сказывать. Вон!!.. А вы-то хороши, господа, обратился он к интеллигентам. Бунт подняли! Не могли выйти из читальни на десять

минуток! Вот теперь и расхлебывайте кашу. Эх, господа, господа... Не люблю, ей-богу!

Интеллигенты заходили по клубу унылые, потерянные, виноватые, шепчась и точно предчувствуя что-то недоброе... Жены и дочери их, узнав, что Пятигоров обижен и сердится, притихли и стали расходиться по домам. Танцы прекратились.

В два часа из читальни вышел Пятигоров; он был пьян и пошатывался. Войдя в залу, он сел около оркестра и задремал под музыку, потом печально склонил голову и захрапел.

Не играйте! замахали старшины музыкантам. Тсс!.. Егор Нилыч спит...

Не прикажете ли вас домой проводить, Егор Нилыч? спросил Белебухин, нагнувшись к уху миллионера.

Пятигоров сделал губами так, точно хотел сдунуть со щеки муху.

Не прикажете ли вас домой проводить, повторил Белебухин, или сказать, чтоб экипажик подали?

А? Ково? Ты... чево тебе?

Проводить домой-с... Баяньки пора...

До-домой желаю... Прроводи!

Белебухин просиял от удовольствия и начал поднимать Пятигорова. К нему подскочили другие интеллигенты и, приятно улыбаясь, подняли потомственного почетного гражданина и осторожно повели к экипажу.

Ведь этак одурачить целую компанию может только артист, талант, весело говорил Жестяков, подсаживая его. Я буквально поражен, Егор Нилыч! До сих пор хохочу... Ха-ха... А мы-то кипятимся, хлопчем! Ха-ха! Верите? и в театрах никогда так не смеялся... Бездна комизма! Всю жизнь буду помнить этот незапамятный вечер!

Проводив Пятигорова, интеллигенты повеселели и успокоились.

Мне руку подал на прощанье, проговорил Жестяков, очень довольный. Значит, ничего, не сердится...

Дай-то бог! вздохнул Евстрат Спиридоныч. Негодяй, подлый человек, но ведь благодетель!.. Нельзя!..

парадный бал (франц. bal par).